

ОБ ИТОГАХ 2015 ГОДА

Каринна Москаленко, член Московской Хельсинкской Группы

В 2015 году усилилось наступление на права и свободы активных членов общества, журналистов и правозащитные организации — право на свободу выражения, распространения и получения информации, свободу объединений, ассоциаций, проведение мирных публичных акций и другие права человека.

Вместе с тем Европейский суд по правам человека вынес несколько прецедентных решений, которые призваны защитить россиян от произвола и непропорционального вмешательства властей в права и свободы. Так, по делу «Каспаров и другие против России» (жалоба № 21613/07) Европейский суд признал нарушение статьи 11 и других норм Конвенции. Эти решения могли сыграть позитивную роль и предотвратить нарушения прав и ограничение свобод во многих сходных делах.

По этой причине, учитывая жесткие формы подавления политической активности населения и притеснение общественных организаций и оппозиционных партий, остро встал вопрос об обязательности исполнения решений Европейского суда. С 1998 года Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод действует для России в полной мере, а обязательность исполнения решений Европейского суда прямо предусмотрена статьей 1 Федерального закона от 30 марта 1998 года № 54-ФЗ о ратификации Европейской конвенции.

Нежелание исполнять свои международные обязательства и попытки оставить безнаказанными систематические нарушения прав россиян, гарантированных нормами Конвенции, подтолкнуло представителей власти к созданию неконституционных

норм, якобы позволяющих не исполнять решения Европейского суда при определенных обстоятельствах. Все это предпринимается в прямом противоречии с Конституцией России и должно быть пресечено, а Россия должна быть возвращена в правовое поле.

Валентин Гефтер, директор Института прав человека

За последние годы главным стал приоритет безопасности и ее силового обеспечения, вытесняя отдельного человека и его права на периферию обязательств государства и внимания общества. От этого страдает защита граждан от произвола как «в законе», так и в правоприменении со стороны должностных лиц и ведомств. А в 2015-м это начало сказываться на социальной защищенности людей гораздо больше и заметнее.

Нарушение личных и политических прав «недовольных» и дискриминация уязвимых меньшинств (групп) все больше сменяется отказом от правозащитной роли государства как его конституционной цели и от выполнения им конкретных обязательств.

Всего очевидней это проявляется в законодательных ограничениях свободы собраний и ассоциаций, в размерах административного преследования за публичную вообще и особенно протестную активность, на усилении роли насилия вместо диалога с конфликтных ситуациях, связанных с соблюдением прав человека.

Особая опасность такого поворота «спиной» к гражданам и их правам кроется в поддержке такого курса пока еще довольно большим числом жителей России. В сочетании с равнодушием к проблемам слабых и уязвимых групп это создает атмосферу растущего пренебрежения правами и свободами личности как ценностями и практическим инструментом защиты каждого от всемогущего государства.

Павел Чиков, руководитель Международной группы Агора

2015 год среди прочего прочно ассоциируется с фразой «достигли дна», слетевшей из уст министра экономики Алексея Улюкаева

ва. Конечно, она касается ситуации в экономике и была призвана придать оптимизм публике, ежедневно убеждающейся в разразившемся кризисе. Но после того как фраза эта была повторена в пятый и седьмой раз, она превратилась в ироничный мем.

В сфере прав человека продолжилась тенденцию, начатая Кремлем после возвращения Владимира Путина на пост президента в 2012 году. На структурные проблемы, накапливающиеся годами, если не десятилетиями, которые призваны были решить, но так и не были, в общем-то, реализованы судебная, правоохранительная и тюремная реформы, стали накладываться различные репрессивные инициативы. Число их росло лавинообразно вплоть до середины года, достигнув некоего пика.

Зачистка «третьего сектора», медийного пространства, политической сферы, интернета сформировала новую реальность. Власти удалось прогнать протестующих с улиц, насадить культуру самоцензуры в СМИ и интернете, страх уголовного преследования у гражданских и политических лидеров, сделать невозможным нормальное функционирование независимых (а значит, не-лояльных) неправительственных организаций.

Впервые за всю постсоветскую историю НКО стали массово ликвидироваться — по инициативе Министерства юстиции либо по собственной, — стремительно уходя либо в сторону лояльности, либо прекращая деятельность, либо эмигрируя, либо перемещаясь в полуподпольное положение. Тренд поддержали средства массовой информации, из-за поправок в законодательстве, ужесточающих требования к финансированию, начавшие отказываться от регистрации в качестве СМИ.

Не спадает волна политической эмиграции, поднявшаяся на фоне «болотного дела» в 2012 году.

Впервые отмечен резкий рост числа реальных сроков по уголовным делам против пользователей интернета за выражение мнения.

Новая реальность окончательно приобрела черты позднесоветской, формируя условия для новых навыков и методов работы. Главной задачей стало выживание. Приоритетами вновь, как и в 70—80-е годы, стали распространение информации, поддержка политических заключенных, укрепление связей с зарубежными коллегами и политэмигрантами, правовая защита узников и освещение судебных процессов по политическим делам.

При этом есть целый ряд признаков, свидетельствующих о том, что ситуация с правами человека достигла того самого дна, которого так и не смогла достичь российская экономика.

Следственный комитет выдохся с новыми политическими уголовными делами, общий шок от репрессий прошел, они стали обыденностью и условием среды. «Бешеный принтер» к осени почти остановился. Начался новый электоральный цикл, обусловленный выборами в Госдуму (осень 2016 года) и выборами президента (весна 2018 года).

Стал заметен целый набор новых независимых средств массовой информации (Meduza, «Медиазона», «Йод», Slon, обновленный РБК, Znak и др.). Впервые и резко упало число новых инициатив по регулированию интернета.

Возникли и активно развиваются новые гражданские и правозащитные проекты («Санация права», «Зона права», Общество защиты интернета, «Команда-29», «Открытая Россия» и др.). Сложилась система быстрого правового реагирования на значимые правозащитные дела во всей европейской части России — будь то задержания активистов, пытки в полиции или гибель осужденных. Число адвокатов, работающих по делам о нарушении прав человека, продолжило расти, насчитывая, по скромным оценкам, больше полусотни.

Таким образом, нет, легче не стало, но да, появились признаки здорового сопротивления.

Лев Гудков, директор Левада-Центра

В 2015 году сохранились те же тенденции, которые открыто проявились в 2014 году: усиление внутренней репрессивной политики властей, ставшей ответом на движения социального и морального протеста против действующего коррумпированного режима.

Падение легитимности политической системы, выстроенной Путиным и его окружением, усиливающийся экономический кризис и международные санкции заметно сокращают ресурсы режима, ослабляя его массовую поддержку, что в свою очередь провоцирует власти на ограничение (во многих случаях подавление) деятельности организаций гражданского общества, политической оппозиции. Монополия на ведущие средства информации, главным образом на ТВ, вытеснение и закрытие под любыми предлогами независимых от кремлевского руководства изданий, усиление цензуры в интернете, в том числе откровенная демагогия,

дезинформация и очернение, клевета на оппозицию — все это означает по сути не просто ликвидацию свободы СМИ — одного из важнейших конституционных принципов новой России, — но и превращение их в инструмент весьма эффективной пропаганды и массовой мобилизации. Правильнее было бы сказать, что мы имеем дело с рецидивом или «ремиссией» тоталитаризма, то есть с возвращением практик идеологического контроля над обществом, принуждением к лояльности, характерных для позднего советского времени, усилением бюрократической стерилизации общественной жизни. Режим самым циничным образом нарушает целый ряд статей Конституции РФ, гарантирующих свободу слова, собраний, публичной и общественной деятельности, свободу научных исследований и распространения информации в обществе. Речь идет о постепенно расширяющемся спектре запретов на формы публичной деятельности, защиты гражданских прав или общественных интересов (в сфере экологии, здравоохранения, социальной политики и т. п.). Последний пример в этом ряду — опубликованный Минюстом проект поправок в закон об НКО, фактически запрещающий любые формы общественной деятельности, свободу которых гарантирует российский Основной Закон. Цель властей — подавление любых независимых от администрации общественных движений, разрыв межгрупповых связей и коммуникаций, выхолащивание потенциала публичных дискуссий как условие общественного контроля над бюрократическим произволом. И это власти удается. Беспокоит такое положение вещей сравнительно небольшую часть населения — не более 15—18%, основная же масса склонна верить пропаганде с ее обвинениями активистов гражданского общества во вражеской или антироссийской, антигосударственной и подрывной деятельности, происка «иностранных агентов», мировом заговоре против России, подготовке «цветных революций» для свержения существующего строя, осуществляемом через НКО и движения несогласных. Сопротивляться пропаганде в состоянии лишь небольшая, но наиболее образованная и информированная, активная часть населения. Большинство же вынуждено «терпеть», не видя средств социально-правовой защиты своих интересов или даже тех сил или групп, которые могли бы представлять их публично. О деятельности правозащитников люди имеют слабое представление и настроены благодаря пропаганде скептически или негативно. Госдума, по мнению россиян, превратилась в собрание коррумпированных депутатов, отраслевых и региональных лоббистов, в орган, который лишь придает «законную» форму решениям деспотической вла-

сти, устраняя какие-либо возможности и средства контроля за деятельностью узкой группы лиц, узурпировавших власть в стране. И Дума, и Совет Федерации перестали выполнять функции парламента. Сочетание тайной политической полиции, действующей вне правовых рамок, с зависимым от администрации президента судом лишает граждан какой-либо защиты от произвола. Можно сказать, что вся судебная система, во главе с Конституционным судом, стали инструментами развала конституционного порядка в стране и, напротив, возведения глубоко эшелонированной защиты режима от населения. И такое состояние отражается во мнениях людей, фиксируемых социологическими исследованиями. Половина граждан заявляют, что не чувствуют себя под защитой закона, поскольку лишены институциональной и правовой защиты от власти. Три четверти — полагают, что суд отстаивает в первую очередь интересы администрации всех уровней, бюрократии, тех, у кого есть деньги или связи с коррумпированной властью. Реакцией на усиление давления и нарушение прав граждан становится массовая апатия и отчуждение от политики и общественной деятельности, интеллектуальная деградация населения, годового все перетерпеть «лишь бы не было войны».

Михаил Краснов, доктор юридических наук

Все чаще у меня возникает ощущение, что наша публичная жизнь — «русская рулетка»: не предугадаешь, «какой выстрел окажется роковым» — кого в очередной раз схватит «суровая рука закона». На самом деле у нынешней российской государственной машины есть своя логика. Но эта логика именно своя, не публичная. Это не логика права, даже при том, что в жернова машины государственного принуждения попадают люди действительно преступившие закон. Суть не в этом, а в том, что институты, призванные охранять закон, действуют избирательно.

На мой взгляд, этот феномен даже опаснее советских репрессий, разумеется, не для их жертв, а для будущего страны. Потому что советские репрессии осуществлялись согласно ложной, но все-таки некой определенной идее, по крайней мере, оправдывались ею. И это ничуть не убавляет меры преступности советского режима, не просто уничтожившего миллионы людей и еще большему числу сломавшего судьбы, не просто унизившего стра-

ну страхом, но и совершившего еще и духовный и интеллектуальный геноцид, последствия которого сказываются по сей день и, думаю, будут сказываться еще долго. Однако от большевистской власти никто и не ждал реализации правовых идеалов.

А сегодня право, которое, напомним, не тождественно закону, дискредитируется, ибо репрессивный произвол (пусть даже его масштабы несоизмеримы с советскими) происходит как бы в рамках Конституции, провозгласившей правовые ценности. И что самое пагубное — закладывается традиция презрения к праву, правового нигилизма, едва ли не главным источником которого являются институты, предназначенные как раз его защищать. Именно они, разлагающиеся на глазах, инфицируют общество антиправовым сознанием.

Но когда, с одной стороны, конституционно провозглашаются принципы правового государства, а с другой — эти принципы самым причудливым образом используются в качестве «дубинки» и ею «размахивают» институты, изначально предназначенные для защиты права (прежде всего, суд), в обществе, естественно, формируется убеждение, что между понятиями «право силы» и «сила права» нет различий. И тем самым растет недоверие к Конституции, которая, как выясняется, не способна защитить от произвола.

Кирилл Рогов, политолог

На протяжении 2015 года в сфере соблюдения прав человека произошло несколько важных сдвигов, характеризующий постепенный транзит российского авторитаризма в сторону более высокого уровня репрессивности.

Во-первых, следует отметить использование экстралегальных репрессий и политического террора. Принципиальным событием здесь стало убийство Бориса Немцова. Это убийство носило подчеркнуто демонстративный характер и призвано было запугать политических активистов. Немцов был убит за свою политическую деятельность и свои политические высказывания, никаких иных интерпретаций убийства никогда не появлялось. Вместе с тем в отношении конкретного повода убийства (конкретных высказываний и действий) существовала неопределенность. Такая неопределенность повышала демонстративный эффект убийства. Убийство также следует рассматривать в контексте приближения

парламентских выборов. Немцов выглядел одной из самых серьезных фигур в оппозиции в условиях, когда ни Алексей Навальный, ни Михаил Ходорковский не могут принимать в выборах участия. Убийство осталось к тому же демонстративно безнаказанным, несмотря на то что у общества есть четкое и однозначное представление о его организаторах. Это повысило эффективность угроз в адрес оппозиции, прозвучавших из уст главы Чечни Ахмада Кадырова.

Во-вторых, более систематический характер приняли преследования по новым «политическим» статьям уголовного законодательства, ограничивающим базовые права граждан, — преследования за те или иные высказывания в интернете и за реализацию права на собрания, митинги и демонстрации. Здесь, напротив, власти придерживаются тактики «фонового» давления — преследованиям подвергаются не самые известные блогеры и активисты. Зато практика таких преследований мало-помалу ставится на поток, дабы утвердить в сознании людей новые «социально-политические нормы».

Если до 2014 года можно было говорить о тактике точечных политических преследований, то сегодня следует, на мой взгляд, говорить о систематических политических преследованиях, и их масштабы постепенно растут. В отличие от точечных репрессий, призванных прежде всего ограничить эффективный политический активизм, систематические репрессии имеют своей целью дать сигнал всему обществу относительно безопасного и допустимого. Этот важный переход произошел в тот самый момент, когда, если верить опросам общественного мнения, была достигнута максимальная политическая консолидация — Владимир Путин и его новый курс пользовались максимальной поддержкой населения. Резкий рост масштабов политических репрессий, выход репрессивности режима на новый уровень и изменение «качества» репрессий указывают на искусственный характер этой консолидации, на то, что она достигается в значительной мере за счет укрепления авторитарных институтов. В таких условиях адекватная оценка социальных настроений с помощью традиционных социологических методов оказывается затруднена. Политический режим наращивает агрессивность, нетерпимость в отношении несогласных, резко ухудшая «климат мнений». А репрессии становятся, таким образом, системным элементом поддерживаемого политического равновесия.